

1854.

КАВКАЗЪ.

№ 75.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ переслкомъ 8 р. 50 к. Полугодовое . . . . . 4 - 50 к.

18 Сентября,

Суббота.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Высочайшія Приказы по военному вѣдѣтельству 27-29 августа, и по Гражданскому вѣдѣтельству отъ 17 августа.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА и ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. ВЫСОЧАЙШІЯ ПРИКАЗЫ

ПО ОТДѢЛЬНОМУ КАВКАЗСКОМУ КОРПУСУ И ВОЙСКАМЪ КЪ НЕМУ ПРИКОМАНДИРОВАННЫМЪ.

Августа 27-го дня 1854 года. Назначается: Адыютантъ 1-й бригады 13-й Пѣхотной дивизіи, Брестскаго Пѣхотнаго полка Поручикъ Крисовскій, Старшій Адыютантомъ въ Штабъ Запасной дивизіи 5-го Пѣхотнаго Корпуса, съ переводомъ въ 7-й запасный баталіонъ того полка.

Августа 28-го дня. Умершия исключаются изъ списковъ. Навагинскаго Пѣхотнаго полка Поручикъ Шибининъ. Грузинскаго Линейнаго баталіона № 5-го, Майоръ Горьбъ.

Августа 29-го дня. Прикажывается въ службу. По Пѣхотѣ. Уволенный изъ Императорско-Австрійской службы Поручикъ Штебисъ-Фонъ-Норденштейнъ, въ Брестскій Пѣхотный полкъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдѣтельству, Августа 17 дня 1854 года. Назначается. Секретарь Канцелярш управленіа гражданскаго частіи въ Ставропольской губерніи, Надворный Советникъ Герчуновскій исправляющій должность Товарища Предсѣдателя Ставропольской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

Въ Journal de St.-Petersbourg напечатано: «Мы получили изъ Стокгольма письмо слѣдующаго содержания, отъ 26-го августа 1854 г.

«Вѣроятно вамъ пріятно будетъ, м. г., представить нашимъ читателямъ нѣсколько подробностей о Бомарзундскомъ дѣлѣ. Предвидя такое желаніе съ вашей стороны, я поспѣшилъ бы доставить ихъ вамъ, еслибъ получилъ сколько нибудь достовѣрныя. Но, на бѣду, нигдѣ не знаютъ такъ мало, какъ здѣсь, о происшедшемъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Не говорю уже о чрезвычайной медленности сообщеній съ пѣзорищемъ событій, не взирая на его близость: вы можете себѣ составить понятіе объ этомъ уже по одному

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Театръ.

Первое представленіе носая тифлискаго театралнаго сезона.

Въ четвергъ, 16-го сентября, тифлисское общество — нельзя сказать собралось, — но, въ буквальный смыслъ слова, ринулось къ своему любимому удовольствію, въ свой изысканный храмъ Аполлона. Давалось первое представленіе итальянской оперы, — и въ театръ не было ни одного незанятаго мѣста. Заблаговременно были обноврованы всѣ ложи и большая часть кресель, и всѣ-таки многое множество претендентовъ на ложи и кресла остались безъ билетовъ, и считаютъ себя совершенно-несчастливыми, что будутъ пользоваться оперой только въ представленія не въ счетъ обонемента. Такое рвеніе общества къ изысканнымъ зрѣлищамъ легко объясняется съ одной стороны современными обстоятельствами, а съ другой — обычаями нашего города. Современныя обстоятельства, съ своими бурными газетными новостями, давно заставляли насъ желать, перифразируя слова нашего поэта:

Хоть на мигъ да обмануться, Хоть во снѣ, да какъ-нибудь Отъ политики проснуться, Отъ журналовъ отдохнуть...

Съ другой стороны, вслѣдствіе обычая нашихъ, театръ составляетъ для насъ едва-ли не единственное общее средоточіе, гдѣ мы можемъ на другихъ посмотреть и себя показать въ изысканной обстановкѣ. Балы и большіе вечера у насъ рѣдкость, и оттого потребность въ блескѣ общественныхъ сборищъ, безъ театра, осталась-бы неудовле-

тому, что извѣстіе о взятіи Бомарзунда получено нашею публикою не прежде 18-го числа, а 19-го поутру бюллетень Генерала Бараге д'Иллие уже былъ объявленъ на Парижской Биржѣ. Прошу васъ также имѣть въ виду, что свѣдѣнія, получаемыя нами, происходятъ изъ источниковъ не слишкомъ безпристрастныхъ. До сихъ поръ слышали мы только одну сторону. Въ ожиданіи того, что возвысится голосъ другой, и станетъ говорить сама за себя, позвольте сообщить вамъ немногія достовѣрныя свѣдѣнія, собранныя мною.

«Не бесполезно будетъ напомнить вашимъ читателямъ, что Бомарзундъ, который Французы высочайшимъ назвалъ крѣпостью, въ сущестѣ своемъ не что иное, какъ оборонительная казарма на юго-восточной оконечности острова Аянда, построенная въ видѣ полуострова, обращенная выпуклою стороною къ морю, и фланкированная тремя отдѣльными башнями изъ которыхъ двѣ (одна на югъ, другая на сѣверъ) на главномъ островѣ, а третья на островкѣ Престо, лежащемъ противъ лѣваго флигеля казармы. Эти зданія служили жилищемъ гарнизону и съ тѣмъ вмѣстѣ мѣстомъ заключенія значительнаго числа содержавшихся тамъ преступниковъ. Почитаю долгомъ прибавить также, не желая ни малѣйшимъ образомъ помрачить честь этого гарнизона, исключительно назначеннаго для островской и береговой полиціи и для караула за арестантами, что въ немъ не было, если могу такъ выразиться, того воинственнаго характера, котораго ожидаютъ отъ войскъ, составляющихъ дѣйствующія арміи, и дающихъ сраженія. Послеъ этого очевидно, что тысяча семействъ членовъ, заключенныхъ въ Бомарзундъ, не могли оказать важнаго сопротивленія подавляющему превосходству двѣнадцати тысячъ Французовъ, поддерживаемыхъ грозными и разрушительными средствами союзной арміи. И такъ, нельзя было ни на минуту обманываться въ результатъ борьбы.

«Въ Воскресенье, 1/13-го числа поутру, по истеченіи срока, давнаго Генераломъ Бараге д'Иллие гарнизону для сдачи, началась атака, сперва противъ лѣвой башни № 1 (*). Французы направили противъ нея сильный огонь изъ

(* Въ реляціяхъ Русскаго Инвалида она называется башнею С.

шести орудій 16-ти-фунтоваго калибра, и пяти мортиръ. На этотъ огонь отвѣчали съ такою же живостью, и прекратили палбу не прежде истеченія сутокъ. Храбрый комендантъ этой башни, Капитанъ Тешъ, нѣсколько разъ былъ приглашаемъ прекратить отчаянную защиту, но рѣшительно отказался, не желая сдать прежде, нежели будетъ въ совершенной невозможности защищаться долѣе. Повѣдѣльничъ прошелъ въ построенія новыхъ батарей, и бой начался на другой день, 2/15-го августа, въ день имения Нполеона, чтобы отпраздновать память героя битвы. Въ то же время, англійскіе артиллеристы, находившіеся внѣ выстрѣловъ русскихъ ядеръ, сосредоточивали надъ сѣверною башнею № 2-й (по реляціямъ башня U) разрушительное дѣйствіе своихъ орудій большаго калибра, которыя вскорѣ произвели брешь въ тридцать футовъ. Осажденные отвѣчали съ величайшимъ хладнокровіемъ и вѣрностью прицѣла. Артиллерія третьей башни (названной въ реляціи башнею Z), находящейся, какъ мы сказали, на островѣ Престо, заслуживаетъ не менѣ похвалъ, принудивъ «Леопардъ» и «Геклу» отступить: послѣдній пароходъ увезъ на память одиннадцать ядеръ въ своемъ корпусѣ, и значительное число раненыхъ. Въ это время главный фортъ, подвергнутой залпамъ трехдечныхъ британскихъ кораблей: «Эдинбургъ», «Аяксъ», «Бленгеймъ», «Да-Гогъ» и французскихъ «Триданъ» и «Дюперре», не считая множества меньшихъ судовъ, обстрѣливаетъ былъ въ то же время съ сухопутной стороны одною французскою и одною англійскою батареями, состоявшими изъ столутовыхъ орудій, подъ начальствомъ Капитана Пельгама. Съ той минуты, какъ отдѣльные форты впади во власть непріятеля, сопротивленіе сдѣлалось безразумною жестокостью, потому что принесло бѣ на жертву гарнизонъ безъ всякой пользы. Вполнѣ понимая свое положеніе, комендантъ не могъ долѣе отказываться отъ повиновенія голосу разсудка. Белый флагъ былъ поднятъ въ Среду, (2/16-го числа) въ десять часовъ утра.

«Живо чувствую, какъ больно солдату разлучаться съ своимъ оружіемъ, составляющимъ для него священную задачу благороднаго его ремесла, драгоценный залогъ, вѣранный его чести, и потому хорошо понимаю раздра-

ни въ какомъ случаѣ. Г-нъ Сансоня, въ роли бандита совершенно на своемъ мѣстѣ. Мы посоветовали-бы ему только не такъ устрашающе-громко произносить свое имя въ томъ мѣстѣ VII сцены перваго акта, когда Риголетто, встрѣтивъ его ночью на улицѣ, спрашиваетъ, какъ зовутъ его, а онъ отвѣчаетъ: Sparafucil mi nomino... Г-нъ и г-жа Рамони, въ своихъ роляхъ—оба удивительны. Какая игра у Риголетто! Какая страсть и нѣжность у Гильды! Зрители и слушатели конечно сами очень хорошо оценитъ лучшія мѣста въ оперѣ и въ ея исполненіи, — но мы всѣ-таки не можемъ воздержаться отъ желанія обратить ихъ вниманіе на нѣкоторые, особенно-удачные morceaux. Какъ хорошъ ироническій смѣхъ шута Риголетто во II актѣ, когда онъ разговариываетъ съ придворными Герцога, и въ то же время ищетъ разныхъ примѣтъ, по которымъ онъ могъ бы догадаться о судьбѣ своей похищенной дочери! Въ душѣ шута цѣлая буря, а онъ долженъ смѣяться. Какъ увлекателенъ потомъ переходъ его отъ притворнаго смѣха и ироніи къ непритворному отчаянію и мольбѣ, въ ари: Miei signori... Perdono, pietate, Al vegliardo la figlia ridate...

Какъ хорошо г-жа Рамони, въ XIII сценѣ перваго акта, выполняетъ арию Sono nome che il mio cor. Чрезвычайно также мила пѣсенка о легкомыслии женщинъ, — которую поѣтъ засыпая и просыпаясь еще болѣе легкомысленный Герцогъ: La donna è mobile Qual piuma al vento...

Но всѣхъ счастливыхъ мѣстъ оперы не пересчитываемъ. Будемъ лучше наслаждаться ими въ слѣдующихъ ея представленіяхъ, которыя вскорѣ повторятся ко всеобщему удовольствію!

жительныя вспышки, проявившіяся при исполненіи жестокаго закона необходимости. Съ чувствомъ искренняго участія узналъ я, что одинъ офицеръ, не смотря на общее приказаніе сложить оружіе, не отдавалъ шпаги своей, доколѣ не принудили его къ тому силою, и палъ безъ чувствъ отъ ранъ, ему нанесенныхъ. Говорятъ, что Генералъ Бодиско встрѣтилъ, со стороны французскаго главнокомандующаго, выраженіе сочувствія, всегда господствующаго между военными людьми, взаимно уважающими другъ друга. Не ошибаюсь, кажется, предполагая, что личное участіе Генерала Бараге д'Иллие въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ вашего отечества, не повредило славы его прямодушнаго и честнаго характера, какъ и прежде о немъ у васъ думали. Въ Константинополь видѣнъ онъ былъ въ истинномъ своемъ свѣтѣ. И по сему поводу позвольте мнѣ сообщить вамъ извѣстный здѣсь анекдотъ. На другой день по прибытіи въ Стокгольмъ парохода «Королева Гортензія», съ французскимъ генераломъ, англійскій Посланникъ г. Мегеннисъ отпривился съ визитомъ къ бывшему сотоварищу Лорда Редклифа, но долженъ былъ возвратиться, не видавъ генерала, который велѣлъ сказать, что его нѣтъ на корабль, хотя онъ весь день не оставилъ своей яхты, а какъ я уже началъ смѣтничать, то расскажу вамъ еще небольшую исторію, не менѣе свидѣтельствующую о братскомъ согласіи новыхъ союзниковъ, столь трогательно прославляемыхъ газетами обоихъ береговъ Ламанскаго Проліва, и могу ручаться за совершенную ея достоверность. За нѣсколько дней до бомбардировки дѣла, сирѣчь Чарльзъ Непиръ, разговаривая съ однимъ жителемъ города, спрашивалъ его о духѣ гарнизона, и о возможности овладѣть мѣстомъ какими либо средствами, кромѣ силы оружія. Отвѣты лишили его всякой надежды въ этомъ отношеніи, и сирѣчь Чарльзъ съ неудовольствіемъ сказалъ: «очень жаль, потому что тутъ будетъ пролито довольно крови,» но потомъ, оправившись отъ этого перваго порыва чувствительности, прибавилъ, обратясь къ лицамъ своей свиты: «впрочемъ бѣда не велика: это касается Французовъ.»

«Примите, и проч.

Е. Кедикъ.»

(Сѣв. Пч.)

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. 13-го сентября погребена въ Тифлисъ Царевна Марія Арчилевна, родительница генералъ-лейтенанта Князя Ивана Малхазовича Андроникова. Проживши долгіе годы, она заключила собой то царственное поколѣніе Имеретіи, которое было свидѣтелемъ и прошлой отдѣльной жизни этой страны, и событій, устроившихъ ей новую, лучшую, судьбу. Царевна была племянница имеретинскаго царя Соломона I-го и родная сестра послѣдняго царя Соломона II-го; родителемъ ея былъ доблестный царевичъ Арчилъ, котораго имя и рыцарскія дѣянія живутъ и до нынѣ въ народ-

ныхъ пѣсняхъ Имеретіи. Хотя царевна по рожденію и принадлежала къ имеретинскому царскому дому, но будучи внучкой грузинскаго царя Ираклія II-го, она воспитывалась при немъ, въ Тифлисѣ. Внѣнносный дѣдъ, любясь развивающимися достоинствами внучки, еще въ дѣтствѣ извѣстной отличными дарованіями, помышлялъ объ устройствѣ ея участи. Вскорѣ совершилось въ Кахетіи достопамятное пораженіе Лезгинъ, подъ предводительствомъ царевича Юлона, — пораженіе, имѣвшее огромное значеніе для Грузіи въ ту эпоху. Въ битвѣ этой ознаменовалъ себя необычайнымъ мужествомъ молодой кахетинскій князь *Малхазъ Андрониковъ*. Ираклій, желая отблагодарить храбреца достойнымъ образомъ, выдѣлъ за него внуку и любимицу свою, царевну Марію. — Съ этой поры имя ея и имя Малхазы Андроникова совпадаютъ съ важнѣйшими историческими событіями того времени. Не стало въ Имеретіи царя съ громкимъ именемъ Соломона I-го, и за малолѣтствомъ наслѣдника его, Соломона II-го, въ управленіе царствомъ вступилъ родственникъ ихъ Давидъ. Этотъ Давидъ вознамѣрился, при помощи Лезгинъ и Турокъ, присвоить себѣ имеретинскій престолъ. Желая предупредить честолюбивое покушеніе, и побуждаемый внушеніями царевны Маріи, Ираклій назначилъ отрядъ для освобожденія Имеретіи отъ незаконнаго претендента, въ пользу прямаго наслѣдника царства, Соломона II. Начальство надъ отрядомъ ввѣрено Малхазу Андроникову, который пошелъ съ нѣсколькими тысячами Грузинъ, въ томъ числѣ съ поголовной милиціей изъ Кизикцевъ (нынѣшнихъ Сигнахцевъ), и разбилъ наголову Давида, при чемъ самъ получилъ шесть тяжелыхъ ранъ. Этимъ подвигомъ очистилъ онъ шурину своему путь къ престолу. Въ признательность за столь славныя услуги Малхазы Андроникова, Соломонъ пригласилъ его и жену его (а свою сестру) Марію на жительство въ Имеретію, и одарилъ ихъ тамъ обширными и богатыми помѣстьями.

Въ послѣдствіи, съ упадкомъ имеретинскаго царскаго дома, иная будущность настала для царевны. При общемъ измѣненіи дѣлъ, лишившись всего достоянія въ Имеретіи и потерявъ наслѣдкомъ и мужа, она была призвана великодушнымъ покровительствомъ Государя Императора. Въ 1817 году сынъ ея, князь Иванъ, принятъ на службу Лейбъ-Гвардіи въ конный полкъ, а сама царевна, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Россіи, на-

гражденная пенсією, съ соизволенія Монаршаго возвратилась въ Грузію, и мѣстомъ постояннаго жительства избрала Тифлисъ. Не домогаясь положенія, которое могли-бы ей доставить высокое ея происхожденіе, обширность родни и круга ея почитателей, и наконецъ собственныя ея средства, она поселилась въ самой уединенной и глухой части города, недоступной даже для подѣзда въ экипажѣ, чтобы быть по близости Анчисхатскаго Собора; наняла тамъ небольшую квартиру и положила провести въ ней остальные, Богомъ дарованные ей, дни. Здѣсь царевна повела жизнь, посвященную единственно Богу и помышляя о своей сынѣ. Она молилась, чтобы Господь сподобилъ еѣ узрѣть сына достойнымъ имени подданнаго новаго обожаемаго Государя, чтобы наслѣдственные черты — вѣра во Всемогущаго и безграничная преданность къ родной землѣ и Царю, свыше надъ нею поставленному, отразились въ душѣ единственнаго на землѣ ея любимца — сына, и были-бы напутственными ему двигателями на пути жизни и на поприщѣ служебномъ. И Господь услышалъ царственную молеву: вся Россія увидѣла, какого сына и слугу дала Отечеству царевна Марія въ лицѣ Ахалцхскаго и Чолокскскаго героя, которому довелось совершить громкіе подвиги близъ самыхъ тѣхъ полей, гдѣ и отецъ его проливалъ кровь — только въ другую эпоху и при другихъ обстоятельствахъ.

Иначе и не могло быть, потому что въ то время, когда столь славно развивалась служебная дѣятельность генерала, внимательный взоръ не могъ не видѣть источника, откуда изливалась благодать на путь, совершаемый героемъ: источникъ этотъ заключался въ молитвахъ и внушеніяхъ матери... И прожила царевна 35-ть лѣтъ все той-же добровольной затворницей, и все съ тѣми-же благочестивыми цѣлями. Женщина съ необыкновенной силой воли, она, въ продолженіе 35-ти лѣтъ, ни одинъ разъ не измѣнила строгому, однажды навсегда определенному образу жизни. Отчужденная отъ свѣта и отъ его тягостныхъ условій, она всякое утро поспѣшно вставала и заботливо одѣвалась, но не для пріиманія обычныхъ свѣтскихъ посѣщеній, или для блестящаго выѣзда, сообразнаго ея сану, — а чтобы сходить въ сосѣднюю церковь для принесенія земныхъ поклоновъ *нерукотворному образу Спасителя*, а потомъ пригласить къ себѣ на скромную, но радушную трапезу братію по Христу или бѣдняковъ, которымъ своей рукой стави-

Въ 40 № Кавказа было помѣщено *первое письмо строеваго солдата къ земляку-инвалиду, на родину*. Нынѣ мы получили возможность располагать и остальными *письмами строеваго солдата*, которыхъ написано еще три, и сегодня представляемъ нашимъ читателямъ *второе* изъ нихъ, въ полной увѣренности, что многіе съ удовольствіемъ будутъ слѣдить за искреннею и бойкой рѣчью одного изъ нашихъ молодцовъ-Кавказцевъ, въ перепискѣ его съ старымъ своимъ землякомъ-инвалидомъ. Если кому нибудь эти *боевыя* произведенія покажутся нѣсколько запоздалыми, то, въ оправданіе свое, мы можемъ сказать, что не знаемъ, что именно: скромность-ли автора, или равнодушіе его къ своимъ произведеніямъ препятствовало ему ранѣе предать ихъ печатанію. Если-же, паче чаянія, кто-нибудь упрекнетъ строеваго солдата за несовершеннo-литературную отдѣлку его стиховъ, — то мы попросимъ вспомнить, что въ нынѣшнее время, да еще на Кавказѣ, — некогда солдату заниматься слишкомъ тщательной полировкой стиховъ: блестя-бы только аммуниція!

Второе письмо строеваго солдата къ земляку-инвалиду на родину. ⁽¹⁾

Здравствуй, кумъ, на многи лѣта!
Я все живъ еще пока;
А пишу изъ лазарета:
Раненъ, братецъ мой, слегка.

Лишь поправлюсь — такъ и въ дѣло!
Наверстаю ужъ за двухъ;
Ретивое закипѣло,
Какъ дошолъ недобрый слухъ:

Что взаправду съ Англичаномъ
Сговорился вишь Французъ,

(1) Это письмо было писано вскорѣ по полученіи здѣсь Высочайшаго Манифеста о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Англіи и Франціи, принявшихъ сторону Турціи противъ Россіи.

Чтобы вмѣстѣ съ басурманомъ
Имъ идти на нашу Русь.

Ошалѣли видно съ жиру!...
Испужались, говорятъ,
Что мы главную квартиру
Переносимъ въ Цареградъ.

Чтѣ-бы, кажется, мѣшаться?
Да завидки ихъ берутъ,
Что вездѣ у насъ, признаться,
Хорошо дѣла идутъ;

Что въ Россіи жить привольно
И своимъ и чужакамъ;
Хлѣба, братецъ мой, довольно:
Приходи кто хочешь къ намъ.

Будетъ всякому просторно;
Лишь работай — будешь сытъ.
Евто, видишь ты, безспорно,
Что народъ отъ нихъ бѣжитъ.

Что земли имъ стало мало
И ума не достаетъ, —
Такъ вотъ зло-то ихъ и взяло
И досада ихъ беретъ!

Видно плохо имъ приходится
И великъ у нихъ изъянъ,
Коль ужъ съ Туркой дружбу водятъ
И идутъ на христіанъ.

Видно совѣсть потеряли
Коль до евтова дошли:
Что хоть въру промѣняли
Да на Русь войной пошли.

Жаль, что мы поколотили
Турокъ, ихъ вишь не спрося;
У Синопа потопили,
Да и здѣсь втоптали въ грязь.

Такъ народъ у нихъ озлился
И кричитъ со всѣхъ сторонъ.
Новый, братецъ, проявился
Тамъ у нихъ Наполеонъ.

Говоритъ, вишь, *больно къ сердцу*; ⁽²⁾
Что-жъ! — аль сердца нѣтъ у насъ? —
Зададимъ такого перцу —
Поперхнется онъ не разъ!

Слышалъ я, что прежде было:
Быль-же, вѣдь, Наполеонъ;
Да въ Москвѣ расквасилъ рыло
И пропалъ ни за-что онъ.

Тотъ былъ толстый, здоровенный,
Просто, значить, — голова!
Мало Франціей, — вселенной
Не ворочалъ, вишь, едва.

И тому не поддалися.
Да кому-жъ въ башку войдетъ,
Чтобы Русскіе сдалися,
А не двинулись впередъ.

Эва! выдумали съ дуру!
Знать шутамъ они сродни:
Нашу русскую натуру
Позабыли што-ль они?

(2) Солдатъ, кажется, намекаетъ на письмо Наполеона III къ Императору, писанное послѣ Синопскаго дѣла и напечатанное въ газетахъ.

она блюда и наливала ковшикъ. Эта-же братія бѣдняки составляли все ея общество: съ первою бесѣдовала о Богѣ, съ послѣдними дѣлила все, чѣмъ только были богаты ея земныя средства. Всю свою пенсію употребляла или на пожертвованія церквамъ, или на раздачу нуждающимся, на поддержаніе больныхъ, на похороны умирающихъ изъ бѣднаго класса. Многіе несчастные были на постоянномъ отъ нея жалованьи. Но завѣтной цѣлю ея помысловъ было посѣтить Святыя Мѣста и поклониться Гробу Господнему. Исполненію этой завѣтной мысли препятствовало сначала опасеніе, что, быть можетъ, не дождетъ она до возлюбленной страны и умереть вдали отъ родины, пламенно ею любимой, а напоследокъ удрученіе годами и болѣзнями; тѣмъ не менѣе, однако, желая умереть сколько нибудь удовлетворенною въ своемъ задушевномъ стремленіи, она испросила у вселенскихъ Патріарховъ разрѣшительныя для себя молитвы, вмѣстѣ съ саваномъ и поясомъ; опредѣлила себѣ даже мѣсто вѣчнаго успокоенія въ Анчисхатскомъ Соборѣ, тамъ именно, гдѣ она постоянно становилась для молитвы, и заблаговременно внесла извѣстную сумму въ кассу церковную. Одно лишь тревожило царевну передъ смертію: она страшилась умереть въ отсутствіе сына. Но Господь и въ этомъ отношеніи удостоилъ предупредить ея безпокойства: сколько разъ во время дальнихъ и продолжительныхъ служебныхъ поѣздокъ сына, престарѣлая царевна впадала въ отчаянную болѣзнь, но какъ-бы чудомъ вновь оживала! Теперь-же, при возобновленіи болѣзненныхъ недуговъ, я видя сына у своего изголовья, она спокойно приготовилась къ смерти и перешла въ вѣчность безропотно, какъ-бы видя въ ней продолженіе своей неземной на землѣ жизни. Погребеніе Царевны не сопровождалось громкими выраженіями горести; плачемъ и рыданіями почтили память усопшей только родные и ближніе ея; но всѣми прочими, присутствовавшими при этомъ, овладало какое-то нѣжное, глубокое благоговѣніе къ усопшей, бывшей свидѣтельницей столькихъ событій въ продолженіе почти столѣтняго прохожденія ею земнаго поприща. Но въ числѣ этого безмолвно-благоговѣвшаго обрванія, нѣтъ сомнѣній, присутствовали и такіе, которые не въ состояніи были и не умѣли сдерживать слезъ, идущихъ прямо изъ души, потому что они завтра напрасно, по привычкѣ, пойдутъ по тѣснымъ и глухимъ переулкамъ анчисхатской стороны, напрасно, не вѣря горькой для нихъ потерѣ, приблизятся къ скромному и невзрачному домику

и постучатся въ него: на стукъ ихъ не встанетъ поспѣшно пожилая благотворительница, высокая, съ исхудалымъ, но еще прекраснымъ и величественнымъ лицомъ, не отворитъ своего ларца, не достанетъ изъ него усердной рукой горсти серебра и не предложитъ нуждающемуся. Да, потеря горькая для нихъ, печальная вообще, когда такіе поучительные христіанскіе образцы такъ нужны человечеству въ нашъ себялюбивый вѣкъ....

Кн. М. Тумановъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія. (Zeit.) Лондонъ, сентября 1-го. Королевская фамилия ежедневно совершаетъ увеселительныя поѣздки по морю. Подтверждается, что принцъ Альбертъ отправится въ Сентъ-Омеръ.

— (J. de St.-P.) На прошлой недѣлѣ, въ Портсмутѣ производили опытъ надъ новымъ электрическимъ телеграфомъ, съ помощію котораго можно пересылать депеши черезъ рѣку, не употребляя электрическихъ проволокъ. Для опыта были выбраны два пункта, раздѣленные массою воды въ 500 футовъ; двѣ части снаряда были поставлены по обѣимъ сторонамъ воды одинъ противъ другаго, и погружены въ воду двѣ электрическія проволоки, оканчивающіяся нарочно устроенною бляхою. Извѣстія перебѣгали съ быстротою и вѣрностію сквозь всю массу воды. Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ одному эдинбургскому ученому.

Франція. (J. de St.-P.) Парижъ, сентября 1-го. Письмомъ изъ Парижа, отъ 28-го августа, въ Аугсбургской Газетѣ увѣряютъ, что крымская экспедиція не будетъ направлена въ нынѣшнемъ году на Севастополь. Хотятъ занять нѣкоторые пункты на берегу, которые будутъ укрѣплены и защищаемы, или же (что корреспонденту кажется вѣроятнѣе) ихъ оставить, какъ Аландскіе острова, сдѣлавъ только рекогносцировку къ Севастополю.

— (J. de St.-P.) Письмомъ изъ Парижа, отъ 30-го августа, сообщаютъ въ Новую Прусскую Газету, что Клапка долженъ возвратиться изъ Турціи въ Парижъ, потому что Порты, боясь оскорбить Австрію, не смѣла вѣрить ему никакой команды въ своихъ войскахъ.

Немания. (Zeit.) Изъ Парижа пишутъ въ Кельнскую газету:

«Отъѣздъ Королевы Христины, которую съ особеннымъ жаромъ защищалъ маршалъ Эспартеро въ засѣданіи кабинета министровъ, послѣдовалъ не по одному желанію испанскаго министерства. Я могу сообщить вамъ, что Императоръ Лудовикъ-Наполе-

онъ совѣтовалъ поступить такимъ образомъ, въ письмѣ къ Королеви и ея министерству. Только по полученіи этого письма Эспартеро сталъ съ жаромъ отстаивать эту мѣру.

Турція. (J. de St.-P.) Въ письмѣ изъ Смирны, отъ 16-го августа, въ газетѣ Presse сообщаютъ слѣдующія подробности: «Англійскій транспортъ осадной артиллеріи, котораго ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, погибъ въ Черномъ морѣ. Изъ иностраннаго легіона бѣжало большое число людей. — Въ Галлиполи и въ окрестностяхъ холера прекратилась, похитивъ полторы тысячи жителей и двѣ тысячи пятьсотъ солдатъ. — Въ Варнѣ эпидемія все еще свирѣпствуетъ. — Константинопольскіе госпитали завалены больными.

Персія. Въ газетѣ: روزنامه وقایع ا نفا تیه, Дневникъ случайныхъ происшествій, отъ 22-го числа мѣсяца Зиль-каадэ, пишутъ:

Въ настоящее время Е. В. Шахъ изволилъ отправиться на прогулку въ д. Авчэ, принадлежащую достославному и великому Визирю. Выѣхавъ въ воскресенье, 18-го числа настоящаго мѣсяца, въ 4 часа до заката солнца, изъ Ниаверана, Е. В. ту ночь провелъ на берегу р. Джаджрудъ, откуда на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, прибылъ въ Авчэ, гдѣ и намѣренъ пробыть нѣсколько дней.

— Воспослѣдовалъ священный приказъ Е. В., чтобы оружія древнихъ царей, хранившіяся по сію пору въ казнѣ высокой державы Ирана, равно какъ и всѣ поступающія въ нее въ настоящее благополучное время и состоящія преимущественно изъ хорошихъ европейскихъ и турецкихъ ружей, украшенныхъ, большею частію, золотомъ и драгоценными камнями; дорогихъ пистолетовъ, знаменитыхъ индѣйскихъ, египетскихъ и хорасанскихъ клинковъ, рѣдкихъ ятагановъ, подобныхъ которымъ нѣтъ на земномъ шарѣ, превосходныхъ панцирей, касокъ, щитовъ, булавъ, колчановъ и пр. и пр., были-бы собраны въ особо-устроенной оружейной палатѣ и размѣщены въ должномъ порядкѣ. Согласно сему высочайшему приказу, палата была устроена въ одномъ изъ благословенныхъ имаретовъ, и удостоена, послѣ приведенія оружія въ должный порядокъ, высочайшаго одобренія.

— Такой-же приказъ воспослѣдовалъ и относительно книгъ: великіе кораны, писанные знаменитыми во всѣхъ странахъ свѣта каллиграфами, молитвенники и вообще всѣ книги ученаго содержанія, относящіяся до исторіи, путешествія, творенія древнихъ поэтовъ и пр., писанныя большею частію

Мало што-ли колотили
Мы ихъ дома и въ гостяхъ?
Мало што-ли положили
Мы враговъ на ихъ поляхъ?

Да вотъ, лихъ, не утерпѣлось:
Видно чешутся бока;
Видно снова захотѣлось
Имъ попробовать штыка!

Што-жь—не важность!—приходите;
Постоимъ на свой мы пай!
Да побольше приводите:
Русскимъ только подавай!

На тронъ одинъ успѣетъ,
Если схватится съ врагомъ:
Саблей голову отбѣетъ,
Хватитъ пулей и штыкомъ.

Нашу русскую ухватку
Вы видали-ли когда?
Турокъ просто до десятку,
Переколешь иногда.

Только шумъ, что Англичаны!
А солдату все равно:
Все такіе-жь басурманы,
Кои съ Туркой за одно.

Говорятъ, у нихъ есть пушки,
Что нигдѣ такихъ, вишь, нѣтъ!
Наши русскія старушки
Обошли весь бѣлый свѣтъ;

Тоже глядуть преисправно:

Не забыла ни одна
Какъ онѣ гремѣли славно,
Въ грозный день Бородина!

Помнютъ, старья,—поди-же!
И Полтаву и Чесму;
Помнютъ какъ мы на Парижѣ
Отплатили за Москву!

Эхъ, заморскія селедки!
Ахъ, французскія ботвы! (3)
На словахъ вы очень ходки—
На штыкахъ-то каковы?...

Кровь вотъ такъ и раскипѣлась!
Такъ и рвется на-рознь грудь!
Кумъ!... Ужъ больно захотѣлось
Мнѣ Француза штыкнуть! (4).

У меня-бы не свернулся
Евтотъ Туркинъ-то камрадъ;
Нѣтъ, ужъ я-бъ не проштыкнулся,
Не попятился-бъ назадъ!

Сколько ихъ?—Давай безъ счета!
Русскій трусить не привыкъ.
Не прошла у насъ охота
Басурманъ сажать на штыкъ.

(3) Mrs. les Anglais et les orateurs français! excusez, je vous en prie, mon soldat; il n'a pas d'autre éloquence que celle du coeur ferme et droit, comme une bayonnette, mais un peu piquante, aussi.

(4) Штыкнуть, проштыкнуться—выраженія употребленныя въ первый разъ, кажется, извѣстнымъ русскимъ воиномъ—платеелемъ, генераломъ Скобелевымъ.

И въ огонь пойдёмъ я въ воду!
Было-бъ лишь изъ-за чего.
Мало што-ль у насъ народу?...
Встанемъ всѣ до одного.

Всѣ пойдёмъ!—Не трогай нашихъ!
Православныхъ не тревожь!
Наваримъ такой мы каши,
Что ты вѣкъ не прожухешь!

Вотъ, братъ, видишь ты какое
Вышло дѣло, кумъ Евсей!
Значитъ кровное, родное;
Значитъ—жизни не жалѣй!

Значитъ надо постараться
Не ударить въ грязь лицомъ.
Чтобъ не стыдно показаться
Передъ Батюшкой-Царемъ!

Помолись-ка ты съ дѣтями,
Чтобы намъ Господь помогъ
Перевѣдаться съ врагами...
Смѣло, братцы!—Съ нами Богъ!

Марта 8, 1854.
Кутаисъ.

